

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ У ДЕР. ОКУНЕВО В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ (к проблеме происхождения тарских татар)

В. А. Могильников

The characteristic of funeral rite and appliances of funerals in burial grounds Okunevo 4 and Okunevo 3 dated the end of XVI–XVII centuries is given. The analysis of materials and data of earlier and synchronous funerals allowed to trace back the process of turning into Turkik religion the southkhanty population in Tarsky part near the Irtysh river coinciding with instillation islam in local medium and to solve the problem of local siberian tatars formation.

Изучение памятников эпохи позднего средневековья и нового времени XIII–XIV — XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртышье представляет большую важность, поскольку позволяет на археологическом материале решать вопросы формирования различных групп сибирских татар, взаимоотношений складывающихся групп татарского населения с соседними хантами и селькупамы, представлявшими в то же время местный субстрат тюркоязычного населения лесостепи и южнотаежной подзоны Западной Сибири. Исследование памятников этого периода дает возможность проследить также время восприятия канонов ислама основной массой рядового населения данного региона и длительность переживания языческих верований. В данном аспекте представляет интерес комплекс памятников в урочище Татарский увал на левом берегу р. Тары у дер. Окунево Муромцевского района Омской области, где позднесредневековые материалы представлены подкурганными (Окунево 4) и грунтовыми (Окунево 3) погребениями. При этом в направлении с севера на юг на площади некрополя прослеживается постепенная трансформация от погребений с инвентарем к безынвентарным, от погребений под курганами в пункте Окунево 4 к грунтовым безынвентарным в пункте Окунево 3 (рис. 1).

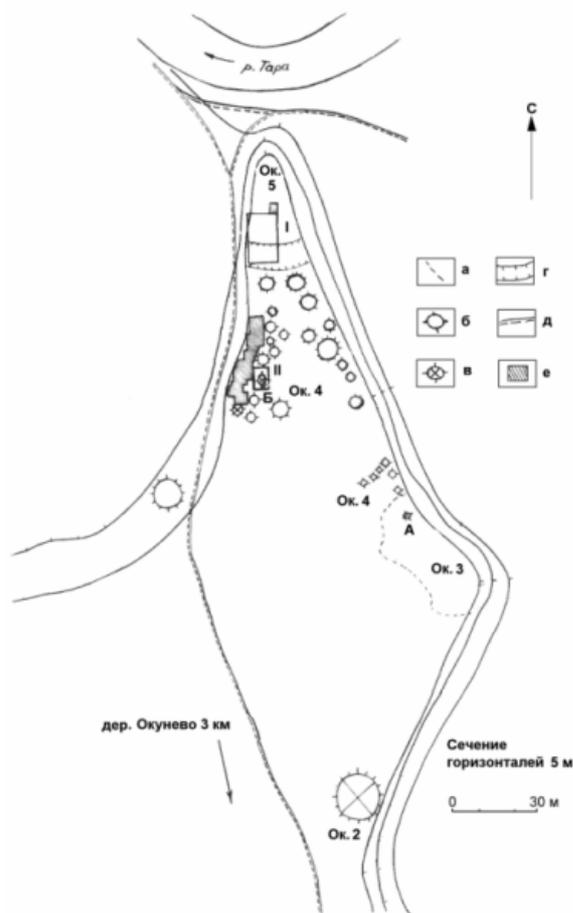

Рис. 1. План местоположения комплекса памятников Окунево 2–5 (по состоянию на 1981 г.).

I, II — раскопы 1981 г.; А, Б — курганы, раскопанные в 1972 и 1981 гг.; а — граница раскопов на Окунево 3 В. А. Могильникова (1972 г.) и Б. А. Коникова (1977–1979 гг.); б — курган; в — раскопанный курган; г — ров городища и культового места Окунево 5; д — полевая дорога; е — раскопы прежних лет.

Урочище Татарский увал представляет собой мыс высокой боровой террасы левого берега р. Тары, своей северной оконечностью вдающийся в пойму Тары, с западной стороны терраса постепенно понижается в направлении к широкой пойме р. Иртыша. Удобное местоположение на границе тайги и обширной иртышской поймы, благоприятное для занятия как присваивающим охотничье-рыболовческим, так и многоотраслевым хозяйством с высокой долей скотоводства, в меньшей мере — земледелия, обусловило заселенность данного места в различные исторические эпохи. Здесь обнаружены комплексы поселений и погребений от екатерининской культуры эпохи неолита до позднего средневековья XVI–XVII вв.

Эти разновременные объекты раскапывались на протяжении ряда лет экспедициями Института археологии АН СССР (В. А. Могильников), Омского пединститута (Б. А. Конигов) и университета (В. И. Матющенко, А. И. Петров). Результаты работ освещены в основном в кратких предварительных публикациях [Захарова, Могильников, Петров, 1973; Корень, Мельников, Конигов, 1979; Петров, 1986; Матющенко, Полеводов, 1991; Матющенко, 1994]. Наиболее полно изданы материалы потчевашского могильника Окунево 3 [Могильников, Конигов, 1983]. Краткость и фрагментарность публикаций комплексов позднего средневековья Окунево 3, 4 не позволяют дать их анализ в целом, поэтому далее ограничимся в основном данными своих работ в 1972 и 1981 гг., отражающими общую этнокультурную ситуацию в регионе.

В 1981 г. раскоп II площадью 70 кв. м перекрыл курган, стоявший на восточной периферии могильника Окунево 4, вместе с прилегающим к насыпи кургана пространством (см. рис. 1)(1). Округлая насыпь кургана диаметром 6 м, высотой 0,6 м была сложена из темно-серой супеси. В центре его прослеживалась небольшая западина от просадки грунта над погребением. Кроме кургана, в пределах раскопа фиксировалось еще три небольших возвышения диаметром до 2 м, высотой до 0,2 м, которые внешне напоминали могильные сооружения, но, как показали раскопки, таковыми не являлись.

Насыпь кургана и окружающий культурный слой более раннего поселения снимались штыками по 0,2 м с выносом грунта за пределы раскопа и зачисткой после снятия каждого штыка, а также с расчисткой встречаемых деталей. При этом сначала была разобрана насыпь кургана, сnivelирована площадь раскопа, а затем снимался культурный слой во всем раскопе, под насыпью и на прилегающем пространстве одновременно.

Насыпь кургана на три штыка состояла из темного супесчаного гумусированного грунта с включением линз черной углисто-золистой земли.

В центральной части кургана прослеживалось пятно мешаного грунта из материкового песка и темного гумуса, а на уровне древнего горизонта лежал слой супесчаного, перемешанного с гумусом выкида из могильной ямы толщиной до 0,25 м, перекрывавший серый гумусированный песок погребенной почвы и культурного слоя. В насыпи кургана встречена керамика екатерининского типа эпохи ранней бронзы, кротовская развитой бронзы и потчевашской культуры. Последняя орнаментирована горизонтальными каннелюрами и наклонными оттисками гребенки вдоль края (рис. 2, 4) и соотносится с потчевашскими погребениями в пункте Окунево 3.

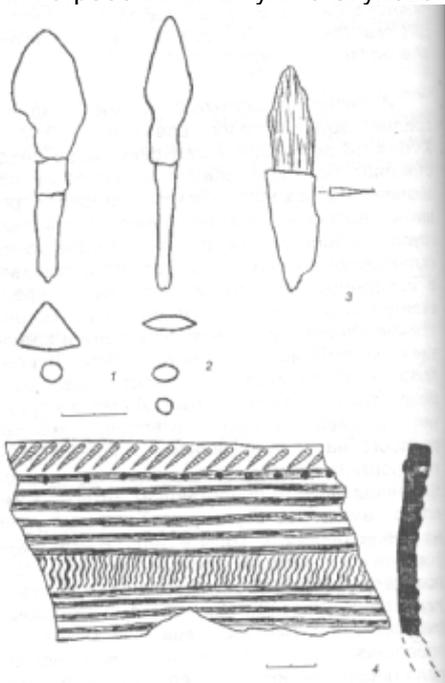

Рис. 2. Окунево 4, материалы из раскопа II 1981 г.

1, 2 — железные наконечники стрел из погребения 1; 3 — железный нож с остатками дерева от рукояти из погребения 2; 4 — керамика из культурного слоя раскопа II.

В раскопе обнаружено три позднесредневековых погребения, из которых два зафиксировано под насыпью кургана, а третье — за ее пределами.

Погребение 1, основное, находилось под центром кургана. При снятии первого штыка заполнения могильной ямы обнаружен культово-поминальный комплекс, включавший железный топор с массивным обухом и подтреугольным с закругленными углами проухом (рис. 3, 2) и расположенные в 0,3 м к ЗСЗ от него, на 0,1 м глубже, железные удила с большими кольчатыми псалями (рис. 3, 1). Между удилами и топором встречены кусочки угля, в 0,4–0,6 м к северу и северо-востоку от топора выступали два пятна обожженного песка диаметром 0,35×0,4 м и 0,6×0,2 м, толщиной до 0,05 м. Тут же расчищен кусок обгорелого дерева, что в совокупности с упомянутыми углями представляет, вероятно, остатки ритуального погребального кострища. У восточного края кургана найден обломок зуба лошади, возможно связанный с поминальными действиями, а также попадались кусочки кальцинированных косточек.

Погребение помещалось в подпрямоугольной с закругленными торцами яме размером 2,4×0,65 м, глубиной 0,47 м от уровня материка, около 1,05 м от древнего горизонта, ориентированной по линии ЗЮЗ–ВСВ, со слегка наклонными стенками. На дне ямы — костяк человека на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ. Правая рука слегка согнута в локте, левая вытянута. Сохранились только длинные кости и фрагменты черепа, да и то плохо.

В области лицевых костей погребенного лежал железный плоский, вытянуторомбический наконечник стрелы (рис. 2, 2), который, возможно, вонзился в голову в области носа. У левой лучевой кости обнаружены трехгранный черешковый сильно коррозированный железный наконечник стрелы (рис. 2, 1) и рядом с ним — кусочек бересты от колчана или подстилки, точное происхождение его не устанавливается.

Погребение 2, впускное, располагалось в 0,7 м к северо-востоку от основного в прямоугольной с закругленными торцами яме размером 1,95×0,65 м, глубиной 0,5 м от уровня материка, около 1,1 м от древнего горизонта, с почти вертикальными стенками, ориентированной по линии ЗЮЗ–ВСВ. На дне ямы — костяк человека на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ. Кости плохой сохранности, ниже пояса — повреждены грабительским прокопом, перемешаны и лежали кучей в заполнении могилы. В области правого предплечья находился коррозированный обломок железного ножа с остатками деревянной рукояти (рис. 2, 3).

Рис. 3. Окунево 4, железные удила и топор из культово-поминального комплекса над погребением 1 кургана 1981 г.

Погребение 3 располагалось в подпрямоугольной яме размером 1,5×0,4 м, глубиной 0,3 м от уровня материка, около 0,9 м от древнего горизонта, с почти вертикальными стенками. На дне ямы — костяк человека на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ. Сохранились череп, фрагментарно отдельные шейные позвонки, правая плечевая, длинные кости нижних конечностей.

На палец правой руки был надет бронзовый перстень с плоским круглым щитком, орнаментированным резными заштрихованными треугольниками (рис. 4, 10). У правой бедренной кости лежал кремневый скребок от огнива (рис. 4, 13), рядом с ним кусок кремнистой породы с галечной коркой — вероятно, также от огнива (рис. 4, 12). Несколько под углом к правому колену и бедренной кости находился железный нож с навершием рукояти из бронзового листка (рис. 4, 16). Рядом с ним, параллельно, — железный нож с черешком для рукояти (рис. 4, 15). Слева, против колена

левой ноги, кучкой лежали три железных и пять костяных наконечников стрел (рис. 4, 1–4, 6–9) и костяная накладка или плохо сделанный наконечник стрелы (рис. 4, 5). Стрелы, очевидно, находились в колчане. Рядом с ними обнаружен еще один железный нож — с бронзовым пластинчатым перекрестием-упором (рис. 4, 11). Тут же располагался железный сильно коррозированный стержень, вероятно, от шила. У правой бедренной кости помещались круглая железная пластина (кресало?) (рис. 4, 14) и железный стерженек (шило?).

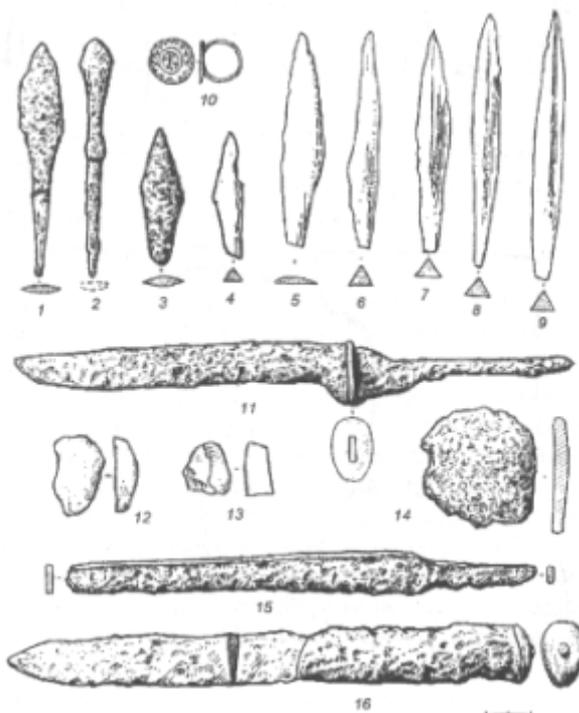

Рис. 4. Окунево 4, материалы погребения 3, из раскопа II 1981 г.

1–4, 6–9 — наконечники стрел; 5 — накладка или наконечник стрелы; 10 — перстень; 11, 15, 16 — ножи; 12, 13 — кремни от огнива; 14 — пластина, кресало от огнива. 1–3, 11, 14–16 — железо (11 — с перекрестием из бронзы, 16 — с навершием рукояти из бронзы); 4–9 — кость; 10 — бронза; 12, 13 — кремнь.

Датировка данных погребений представляет большой интерес, так как позволяет установить длительность сохранения языческих представлений в погребальном ритуале, предшествовавших распространению идеологии ислама. Поза погребенных на спине, вытянуто, головой на ЗЮЗ и ЗСЗ, а также снабжение их инвентарем говорят о языческих, домусульманских верованиях. Погребение 3 по ножу с навершием из бронзового листка можно предположительно датировать около XIV–XVI вв. Подобный нож найден в могильнике Кыштовка 1 конца XIII–XVI вв. [Молодин, Мыльникова, 1980, табл. VI, 3, с. 198]. В этом же комплексе представлены черешковые ножи и вытянуто-ромбические железные наконечники стрел с упором у основания черешка, а также костяные черешковые наконечники стрел [Там же, табл. V; VI, 1, 2; IX; X]. Железный топор, найденный над погребением 1 (см. рис. 3, 2), по массивности близок топорам типа III из могильника Кыштовка 2 второй половины XVII — начала XVIII вв. [Молодин, 1979, табл. XXX], по пропорциям занимает промежуточное положение между топорами типа III из Кыштовки 2 и топором более вытянутых очертаний из могильника Кыштовка 1 [Молодин, Мыльникова, 1980, табл. IV, 1]. Подобные орудия в новгородских древностях относятся к типу 2 утяжеленных топоров и датируются концом XIV–XVI вв. [Колчин, 1982, с. 163–164, рис. 4]. Железные наконечники стрел (см. рис. 2, 1, 2) имеют также параллели в памятниках XV–XVI вв., в частности в Старой Казани [Фахрутдинов, 1984, рис. 22, с. 142]. Там же представлены удила с кольчатыми псалями, бытовавшие длительное время начиная с XII–XIII вв. Орнаментация щитка перстня по периметру заштрихованными треугольниками (см. рис. 4, 10) подобна узору на перстне из кургана 103 Кыштовки 2 [Молодин, 1979, табл. XIV, 7]. Наиболее вероятная дата описываемых погребений — конец XVI — середина XVII вв.

В культурном и хронологическом отношении к ним примыкает курган 1 из раскопок 1972 г., располагавшийся в южной, наиболее поздней части могильника Окунево 4. Круглая насыпь диаметром 5 м, высотой 0,5 м сложена из серой супеси. Под центром ее, на уровне древнего горизонта, над заполнением могильной ямы, находилась линза более светлого супесчаного слоя диаметром около 1,2 м, толщиной до 0,2 м, представлявшая собой, очевидно, грунт, вынутый при копании могильной ямы и затем аккуратно уложенный (рис. 5). Могильная яма в виде узкого вытянутого овала размером 2,15×0,72 м, глубиной 0,4 м от уровня древнего горизонта, с почти вертикальными

стенками, врезана в материк на 0,15 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В яме костяк женщины, возмужалой, в возрасте 20–35 лет, лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В районе пояса, слева, обнаружены остатки круглой стеклянной бляшки, вероятно зеркала, диаметром около 5 см, распавшейся на части.

Четыре подобных стеклянных зеркала, разбитых на довольно мелкие кусочки, обнаружены в упоминавшемся могильнике Кыштовка 2 на средней Таре [Там же, с. 96–97]. Аналогии им В. И. Молодин справедливо усматривает в зеркалах из Тоянова городка на Томи под Томском и могильника XVI–XVII вв. Балагачево на Чулыме, относящихся к чулымским татарам; вслед за А. П. Дульзоном он считает эти зеркала предметом русского экспорта в Сибирь [Дульзон, 1953, с. 151, 259, табл. XI, 5; Молодин, 1979, с. 97]. Это же, очевидно, можно сказать относительно зеркала-бляшки из Окунево 4 и зеркала из погребения в кургане с аналогичным ритуалом у устья р. Медовщиковой и с. Екатериновки Тарского района.

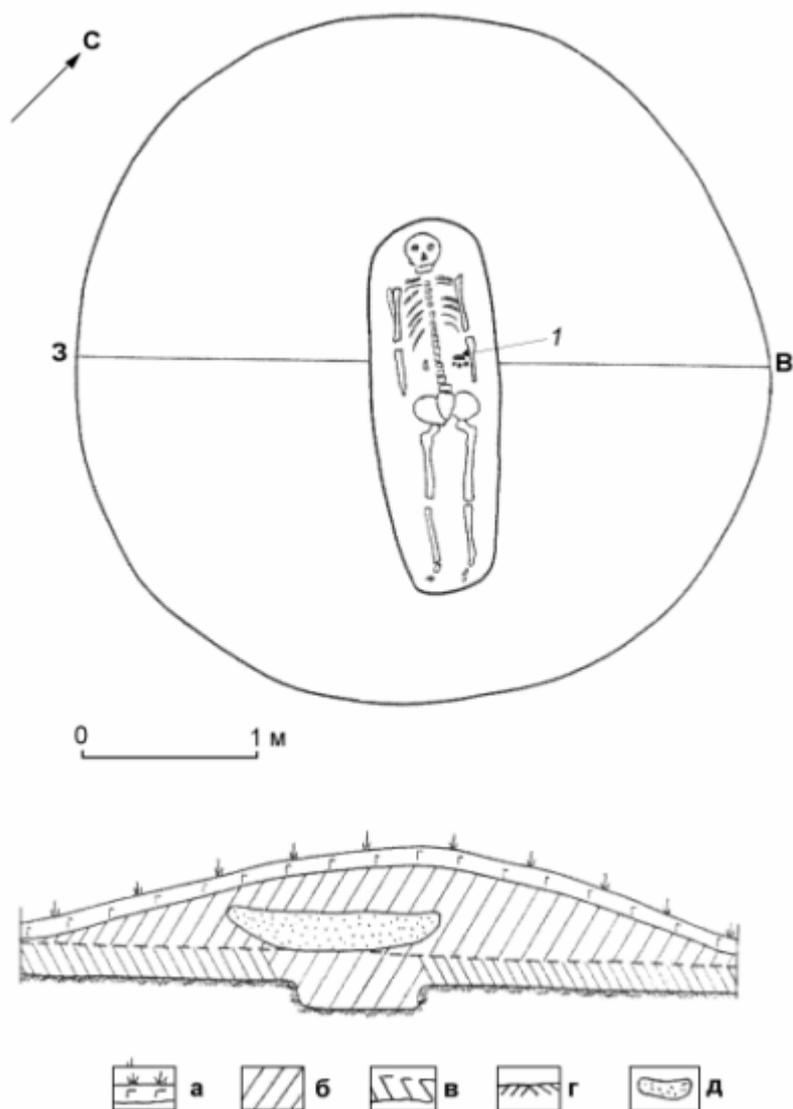

Рис. 5. Окунево 4, курган 1 из раскопа 1972 г. План и разрез.

а — дерновый слой; б — серая супесь; в — погребенная почва; г — материк; д — линза светлого песка. 1 — стеклянная бляшка (зеркало?).

Данный могильник располагался на останце боровой террасы правого берега Иртыша, в 200 м ниже устья р. Медовщиковой, и содержал около 20 курганов диаметром 5–7 м, высотой 0,2–1 м, расположенных группой без определенного порядка. Почти все курганы имели в центре западины от грабительских прокопов или просадки могильных ям. Поверхность памятника покрыта молодым сосняком. Здесь же находилась энеолитическая стоянка екатерининской культуры, сильно поврежденная при устройстве курганных насыпей. На могильнике раскопано четыре кургана, два из них — В. Н. Чернецовым в 1945 г. и два — нами в 1962 г. Один из курганов, исследованных В. Н. Чернецовым, содержал погребение женщины на грунте. Хорошо сохранившийся костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. На грудной кости обнаружена слабо выпуклая стеклянная бляшка, подобная, очевидно, бляшке (зеркалу?) из кургана Окунево 4. Другой курган был разграблен, ве-

роятно, еще в древности, находок не встречено [Чернецов, 1947, с. 84–86; Талицкая, 1953, с. 274, № 212].

Раскопанный нами курган 1 диаметром 5,2 м, высотой 0,5 м содержал два детских погребения в подпрямоугольных ямах, захороненные покоились на спине, вытянуто, головой на север. Костяк погребения 1 длиной 0,6 м находился в прямоугольной яме размером 0,9×0,8 м, глубиной 0,3 м от уровня древнего горизонта, ориентированной по линии север — юг. Кости предплечья были уложены на грудь, лицевые кости обращены на восток. Яма располагалась под юго-западной полкой кургана. Вещей нет. Погребение 2 находилось под северной частью насыпи в прямоугольной яме размером 0,8×0,6 м, глубиной 0,6 м от древнего горизонта, ориентированной по линии север — юг (рис. 6). Костяк плохой сохранности, череп раздавлен. Вещей нет.

Курган 2 имел диаметр 5 м, высоту 0,33 м. Под центром его — прямоугольная могильная яма размером 1,8×0,8 м, глубиной 0,6 м от древнего горизонта, ориентированная по линии север — юг. Костяк, сохранившийся, за исключением ребер, удовлетворительно, лежал на спине, вытянуто, головой на север, лицо погребенного было слегка повернуто на восток. Инвентаря не обнаружено (рис. 7).

Описанные курганы демонстрируют погребальный ритуал, близкий Окунево 4. В то же время наряду со сходством — положение умерших головой на запад — в курганах у р. Медовщиковой отмечена и ориентировка погребенных головой на север, что, по-видимому, фиксирует этнические различия. Подобный курган XVI–XVII вв. с костяком на спине, вытянуто, головой на запад, раскопан у дер. Атачка на Иртыше [Коников, 1979, с. 232].

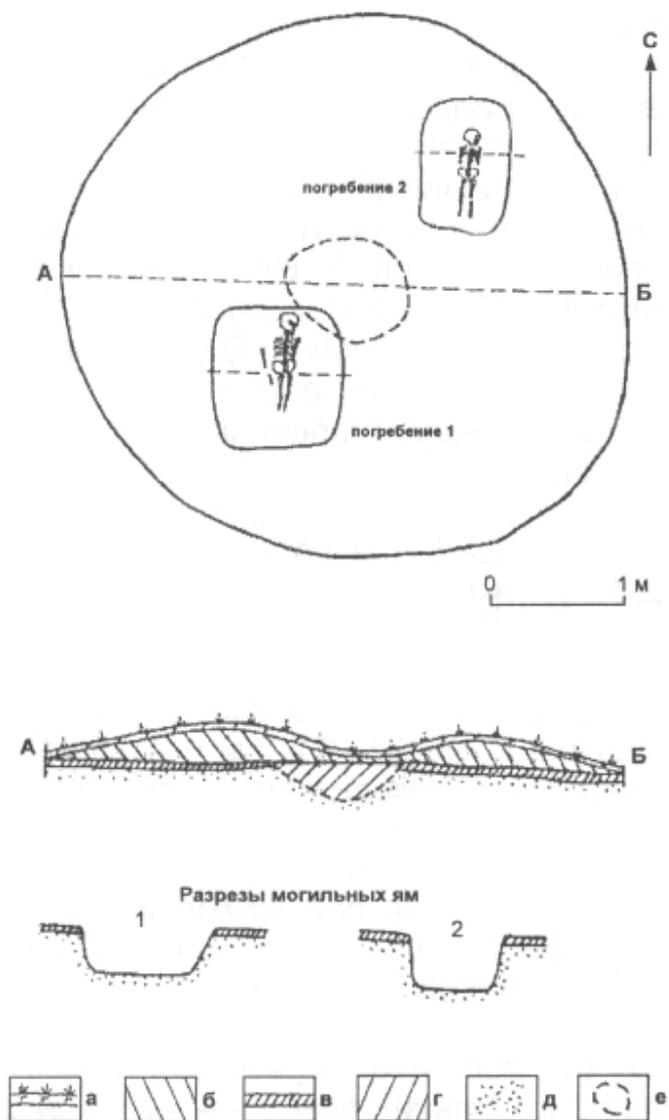

Рис. 6. Курган 1 у р. Медовщиковой из раскопа 1962 г. План и разрез.

а — дерн; б — супесчаная насыпь; в — погребенная почва; г — заполнение грабительского прокопа; д — материк; е — граница грабительского прокопа.

Помимо исследованных нами, на могильнике Окунево 4 ряд курганов изучен экспедициями омских археологов, выявлен в целом аналогичный погребальный обряд. Его суммарная характеристика по материалам семи курганов дана Б. В. Мельниковым [1991, с. 144]. В них также, как правило, совершено по одному захоронению, расположенному на уровне материка или в неглубокой (до 0,25 м в материке) могильной яме. Единично встречено до трех захоронений под одной насыпью [Корень, Мельников, Конилов, 1979, с. 73]. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Руки уложены вдоль туловища или кистями на тазовых костях. В насыпях курганов, на уровне древнего горизонта, выявлены остатки плохо сохранившихся деревянных сооружений из плах или бревен, в отдельных случаях со следами воздействия огня. Отмечены они на глубине 0,2–0,3 м в западной части кургана [Там же; Мельников, 1991, с. 144]. В составе инвентаря погребений — изделия из стекла (бусы, бисер, бляшки), раковины каури, бронзовые и серебряные подвески, пуговицы, серьги в виде "?" с напускными стеклянными бусинами, украшенные зернью, русские серебряные проволочные копейки, немецкие счетные жетоны (пфенниги) нюрнбергского медальера Вольфа Лауфера [Мельников, 1991, с. 144]. Жетоны имели по одному-два отверстия и, судя по местоположению, служили подвесками к головному убору. Раковины каури, бусы и бисер, бронзовые плоские ромбические нашивки и желудевидные бусины из медного листка помещались в области шейных позвонков и на груди погребенных и выполняли роль ожерелий и нашивок на костюм. Детские захоронения находок не содержали [Корень, Мельников, Конилов, 1979, с. 74]. По монетам данные курганы Окунево 4 относятся к XVII в., что и определяет верхнюю дату погребений некрополя. Наиболее вероятное время его функционирования в целом — вторая половина XVI–XVII вв.

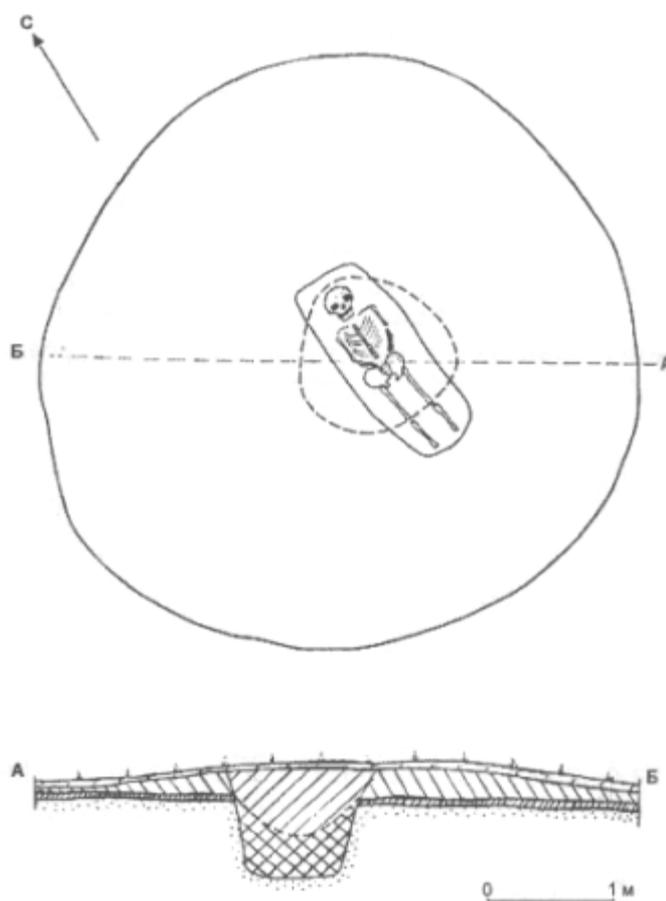

Рис. 7. Курган 2 из раскопа 1962 г. у р. Медовщиковой. План и разрез.

Грунтовые безынвентарные погребения могильника Окунево 3 планиграфически непосредственно примыкали к курганному могильнику Окунево 4 (см. рис. 1), что позволяет предполагать постепенную трансформацию погребального обряда с переходом от подкурганных захоронений к грунтовым. Помимо планиграфии, на это указывает меньшая величина насыпей курганов, в том числе с монетами, в южной части некрополя Окунево 4, непосредственно прилегающей к грунтовому могильнику Окунево 3. Наиболее крупные и более ранние курганы Окунево 4 расположены близ мыса Татарский увал, а более мелкие поздние насыпи сооружались по отношению к ним с юго-западной и ЮЮВ сторон вдоль края террасы, круто спускающейся к заболоченной старице р. Тары (см. рис. 1). Затем, уже на Окунево 3, стали, очевидно, устраивать совсем маленькие холмики с дополнительным возведением на поверхности еще каких-то деревянных сооружений, которые

не сохранились (могильник в настоящее время представляется как грунтовый). Эти изменения, включая уменьшение в погребениях количества вещей (большинство — безынвентарные), объясняются, очевидно, воздействием канонов ислама, запрещающих укладывать с умершими вещи и возводить над ними курганы.

Грунтовый могильник Окунево 3 перекрывал площадь более раннего некрополя потчевашской культуры [Могильников, Конигов, 1983] и периферию поселения эпохи ранней и развитой бронзы с керамикой кротовского типа, а также частично поселения раннего железного века саргатской культуры. Поверхность памятника была задернована и покрыта редким молодым березняком. В 1972 г., когда началось исследование могильника, раскопом площадью 192 кв. м нами были вскрыты 10 грунтовых позднесредневековых погребений XVII в. и одна могильная яма (№ 4) — кенотаф этого же времени (рис. 8). В 1977 г. Б. А. Конигов смежным раскопом вскрыл еще 14 погребений этого времени с аналогичным погребальным ритуалом. В последующие годы раскопки памятника продолжались экспедициями под руководством Б. А. Конигова и В. И. Матющенко, но полученные ими данные пока не опубликованы. Б. В. Мельников [1991, с. 144–145] оперировал суммарно материалами около 30 погребений.

Остановимся на результатах наших работ, привлекая при анализе опубликованные материалы других исследователей.

Стратиграфия могильника Окунево 3 следующая. Сверху слой дерна толщиной 0,2 м, далее серо-коричневый культурный слой мощностью 0,4–0,5 м с отдельными находками керамики, костей животных и кремня, относящихся к более раннему поселению; в этом же слое, на глубине 0,25–0,4 м, находились погребения с трупосожжениями VI–VIII вв. потчевашской культуры. На границе со светло-серым материковым песком и несколько врезаясь в него (до глубины 0,4 м от уровня материка) располагались описываемые далее погребения с трупоположениями XVII в., скорее второй его половины (рис. 9).

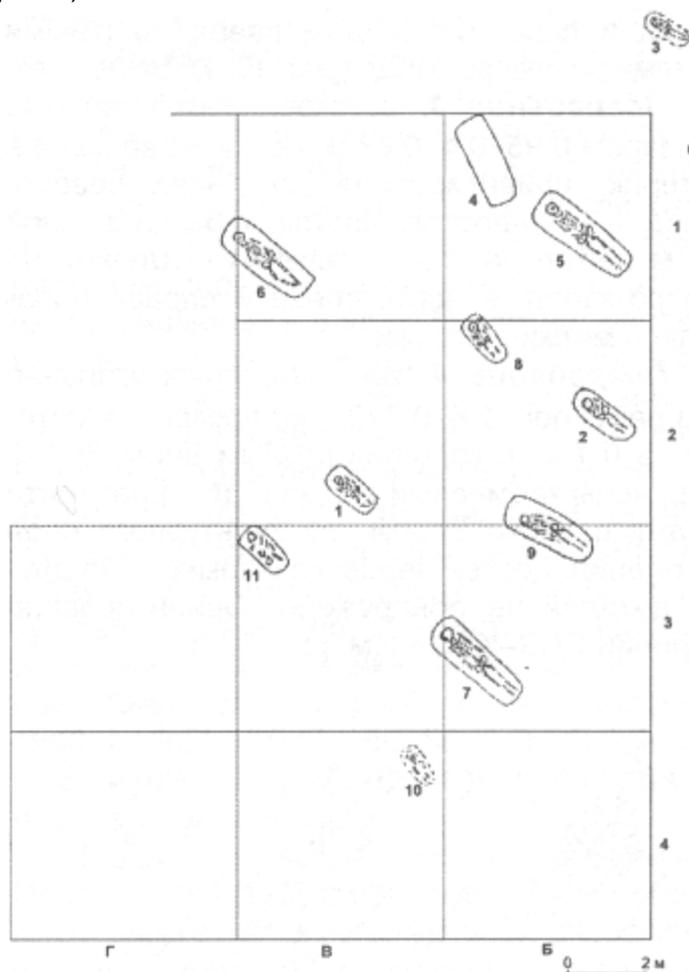

Рис. 8. Окунево 3, грунтовый могильник.
План раскопа 1972 г.

Погребение 1, детское, могильная яма размером 1,05×0,5 м на уровне материка, глубиной 0,67 м, на 5 см врезана в материк, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад, правая нога чуть согнута в колене.

Около челюсти находились две белые круглые стеклянные бусины, разделенные синей бисеринкой, а также две медные серьги в форме "?" с напускными бусинами. Одна из них лежала под черепом, вторая — под черепом в области левого уха (рис. 9, 5). В заполнении могилы встречены отдельные мелкие угольки.

Погребение 2, детское, прямоугольная могильная яма размером 1,25×0,54×0,67 м, врезана в материк на 7 см. Костяк ребенка лежал на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ. Левая рука слегка согнута в локте. Череп, очевидно, смещен с первоначального положения и повернут сводом вверх, лицевыми костями на северо-запад (рис. 10, 1). Вещей нет.

Погребение 3, детское, могильная яма размером 0,95×0,4×0,65 м, почти не врезана в материк, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Костяк ребенка длиной 0,8 м лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад, в ногах слева и справа попадались мелкие угольки.

Погребение 4, кенотаф, прямоугольная яма размером 1,8×0,7×0,7 м, врезана в материк на 0,1 м, с корытообразным дном. В ней встречены кремневый отщеп и два фрагмента керамики эпохи бронзы из культурного слоя поселения. Костей человека и каких-либо других деталей не обнаружено. Ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ (см. рис. 8, 4).

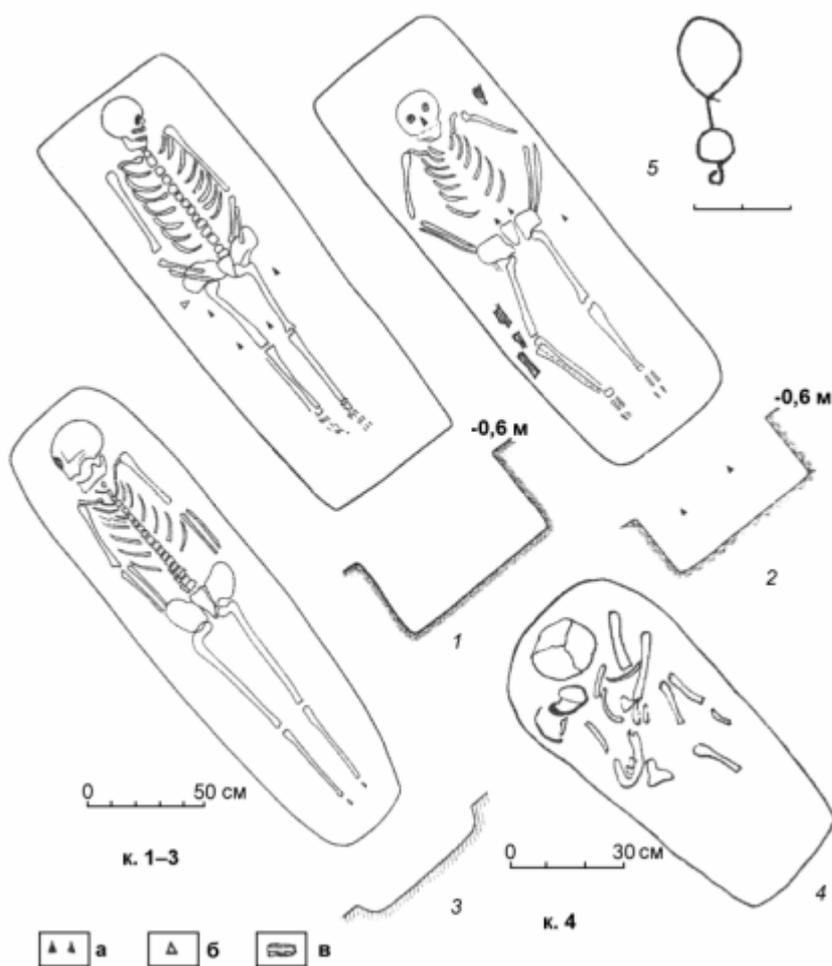

Рис. 9. Окунево 3. Планы погребений.

1 — погребение 5; 2 — погребение 6; 3 — погребение 7; 4 — погребение 11; 5 — медная серьга с напускной стеклянной бусиной из погребения 1; а — кусочки угля; б — обломок керамики; в — фрагменты дерева.

Погребение 5, прямоугольная яма размером 1,95×0,7×1,0 м, углублена в материк на 0,4 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Костяк мужчины, возмужалого, 20–30 лет, лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад, лицевые кости несколько повернуты к северу (рис. 9, 1), руки слегка согнуты в локтях и кистями уложены на таз. В заполнении от области таза до колен попадались мелкие угольки.

Погребение 6, прямоугольная яма размером 1,0×0,7×0,9 м, врезана в материк на 0,3 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Костяк мужчины, юноши 14–19 лет, лежал на спине, вытянуто, головой

на северо-запад. Правая нога слегка согнута в колене. Руки согнуты в локтях так, что кисти находились под тазом. У левого предплечья, бедренной кости и колена зафиксированы в виде древесного тлена волокнами вдоль могилы остатки продольного перекрытия из бревен. В верхней части заполнения могильной ямы встречались мелкие угольки (рис. 9, 2).

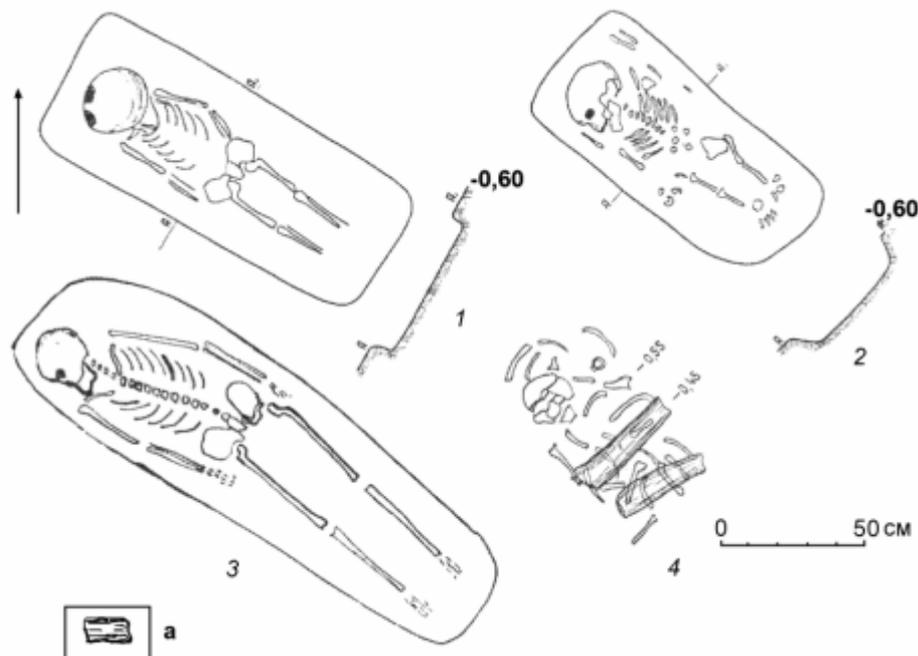

Рис. 10. Окунево 3. Планы погребений.
1 — погребение 2; 2 — погребение 8; 3 — погребение 9; 4 — погребение 10;
а — остатки бревнышек перекрытия.

Погребение 7, прямоугольная яма размером 2,05×0,62×0,7 м, врезана в материк на 0,1 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, с отклонением к северо-западу (рис. 9, 3). Костяк женщины юношеского возраста, 14–19 лет, лежал на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ, руки вдоль туловища, лицевые кости повернуты вправо, на юго-запад. Находок нет.

Погребение 8, детское, трапециевидная яма размером 1,0×0,4–0,5×0,7 м, углублена в материк на 0,1 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Костяк ребенка 2–3 лет длиной 0,85 м лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад, руки вдоль туловища, лицевые кости обращены вправо, на юго-запад (рис. 10, 2). Находок нет.

Погребение 9, узкая с несколько округленными стенками яма размером 2,0×0,8×0,9 м, углублена в материк на 0,3 м. Костяк женщины, возмужалой, 20–35 лет, в слегка искривленной позе лежал на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ, лицевые кости повернуты вправо, на юго-запад, кисти рук покоились около бедер (рис. 10, 3). Над костяком на глубине 0,2 м прослеживались в виде тлена остатки продольного бревенчатого перекрытия.

Погребение 10, детское, нарушено норами, находилось в нижнем горизонте культурного слоя, на глубине 0,55 м, чуть выше уровня материка. Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребенный, ребенок 2–3 лет (?), был уложен головой на северо-запад. Кости скелета сильно перемешаны (рис. 10, 4), длина развала 0,7 м. Над ними поперек лежали два куска дерева, остатки бревнышек толщиной 8–10 см, длиной около 40 см — вероятно, фрагменты перекрытия.

Погребение 11, детское, прямоугольная с округленными углами яма размером 2×0,4×0,7 м, врезана в материк на 0,1 м, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, нарушена норами. Кости, кроме черепа, смещены с первоначального положения (рис. 9, 4). По аналогии с другими захоронениями можно считать, что покойный лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад.

Таким образом, на площади некрополя погребения располагались в два ряда, наметился третий (см. рис. 8). Ряды расположены в 2–3 м друг от друга и ориентированы по линии ССЗ–ЮЮЗ. Расстояния между погребениями в рядах колеблются от 1,6 до 4 м. Захоронения совершены в подпрямоугольных ямах с почти вертикальными или чуть наклонными стенками и округленными углами. Размер ямы определялся величиной тела усопшего, несколько превышая ее. При этом размеры ям в плане варьируют от 1×0,4 до 2×0,7 м, глубина — от 0,6 до 1 м от уровня современной поверхности. Более глубокие ямы характерны для погребений взрослых, мельче — для детских. Позиция погребенных довольно строго канонизирована: на спине, вытянуто, головой на северо-запад с небольшими отклонениями. Иногда одна нога, чаще правая, или обе чуть согнуты в коленях. Руки

уложены вдоль туловища, кисти у бедер или, при чуть согнутых локтях, на тазе, в одном случае (погр. 6) — под тазовыми костями (см. рис. 9, 2). В трех случаях (погр. 7–9) усопшие были повернуты лицевой частью черепа на юго-запад, вправо, что, по канонам ислама, соответствует ориентации на кыблу (Мекку). Однако устойчиво эта черта ритуала не фиксировалась. В мужском погребении 5 череп был обращен лицевыми костями к северу, но не исключено возможное смещение с первоначального положения. В отдельных погребениях (№ 1, 3, 5, 6) наблюдались следы углистой подсыпки — мелкие угольки в заполнении могилы, приуроченные преимущественно к нижней части туловища и ногам. В трех погребениях (№ 6, 8, 9) на глубине 0,2–0,3 м от поверхности прослежены следы деревянных перекрытий в виде продольного наката в один ряд тонких бревешек толщиной около 0,1 м (см. рис. 9, 2), но из-за плохой сохраняемости дерева в песчаном грунте остатки их фиксировались слабо. Вероятно, деревянные перекрытия были и в других захоронениях, но полностью истлели. В погребении 10 два отрезка бревен длиной 0,4 м, толщиной 8–10 см лежали поперек могилы (см. рис. 10, 4), но не исключено, что они, как и кости погребенного здесь ребенка, были смещены грызунами. В яме погребения (?) 4 костяк отсутствовал, вероятно, это кенотаф. Подобные известны на могильнике Льнозавод на средней Таре [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 165]. Инвентарь, две серьги (см. рис. 9, 5) и бусы, были только в погребении 1, прочие — без вещей.

Данные, приводимые Б. В. Мельниковым [1991, с. 144–145] по погребальному обряду грунтовых погребений Окунево 3, аналогичны, что характеризует стабильный канонизированный ритуал. Инвентарь обнаружен лишь в трех могилах из 30. В его составе — стеклянные бусы, серьги в виде "?" с напускными стеклянными бусами, остатки железного шила, серебряный перстень с изображением хищного животного (льва?) на щитке, остатки плохо сохранившихся оловянных перстней, бронзовая серьга с зооморфной привеской и со счетными жетонами (пфеннигами) нюрн-бергского медальера Вольфа Лауфера. При этом перстень из могилы 33 Окунево 3 аналогичен перстню из погребения 64 Кыштовского 2 могильника, а серьга из могилы 34 Окунево 3 идентична серьгам из кургана 102 Кыштовки 2, который по серебряной копейке царя Алексея Михайловича и нюрнбергским счетным пфеннигам датируется серединой — второй половиной XVII в. Счетные жетоны Вольфа Лауфера из могилы 34 Окунево 3 относятся к этому же времени. На основании изложенного Б. В. Мельников [Там же, с. 145] делает вывод о синхронности грунтовых погребений Окунево 3 и подкурганых захоронений Окунево 4, а различия в ритуале объясняет причинами социального характера. Такое заключение может быть принято лишь частично. Ряд наиболее поздних захоронений под курганами Окунево 4 и наиболее ранних грунтовых Окунево 3, возможно, действительно синхронны в рамках середины — второй половины XVII в. В это время первоначально обряд захоронения под курганами мог сосуществовать с вновь распространявшимся ритуалом "грунтовых" захоронений без инвентаря, следовавших все более укоренявшимся канонам ислама. Аргументами могут служить планиграфия и большая стабильность, канонизированность обряда грунтовых захоронений. Говорить о

социальных различиях, отразившихся в двух обрядах захоронения, под курганами и без них, также нет достаточных оснований. И подкурганые и грунтовые погребения оставлены рядовым населением. В тех и других представлены мужские, женские и детские погребения. Детские захоронения под курганами также обычно не содержат вещей, а снабженные инвентарем погребения взрослых не демонстрируют существенных социальных и имущественных различий. Инвентарь включает орудия труда, предметы повседневного обихода и рядовые украшения, не выделяющие их владельцев из среды рядовых членов сельской общины. Присутствие данных вещей в подкурганых захоронениях и единичных грунтовых (трех из тридцати), как и обычай насыпания курганов, отражают переживание языческих традиций в погребальном обряде рядового населения Тарского Прииртышья того времени в условиях внедрения новой веры, восприятие которой фиксируется по распространению все большего числа безынвентарных могил под курганами, а затем и обряда бескурганых погребений без вещей (некрополь Окунево 3). С учетом этих данных, грунтовые погребения Окунево 3, видимо, следует датировать в целом второй половиной XVII в., что в основном совпадает с хронологией, предлагаемой Б. В. Мельниковым. Ислам стал укреплять свои позиции в Среднем Прииртышье со второй половины XVI в. в связи с приглашением ханом Кучумом большой партии проповедников мусульманства из Средней Азии, однако сильные пережитки язычества продолжали сохраняться в среде рядового населения, постепенно переходившего к канонам новой религии, еще в XVII в. Поэтому недостаточно точным является утверждение Б. В. Мельникова [1994, с. 67], что у коренного населения бассейна р. Тары до начала XVIII в. влияние ислама и православия не фиксируется. Из вышеизложенного можно заключить, что начало воздействия ислама на культуру и идеологию аборигенного населения датируется по археологическим материалам XVI–XVII веками, а возможно, будет отнесено к более раннему времени. Однако черты новой религии сочетались с сильными пережитками язычества, восходящими к представлениям о мире и душе местного этнического субстрата. Подобное сосуществование старых языческих верований, особенно живучих в среде рядового населения, и канонов новой религии имело место и у других народов. Знать тюркоязычного населения Центрального Казахстана уже в X–XI вв. приняла

ислам и стала сооружать мавзолеи, и в то же время до XVI в. бытовал обычай погребения под курганами в сопровождении оружия и бытового инвентаря. Часть ранних мусульманских погребений располагалась на могильниках с захоронениями по языческому ритуалу [Степи..., 1981, с. 199].

Для суждения о демографии Окунево 3 мы располагаем ограниченной выборкой опубликованных половозрастных определений антропологического материала из наших раскопок в 1972 г. и раскопок Б. А. Коникова в 1977 г. [Краниологические..., 1979, с. 44, 92, колл. 114, 281]. Из числа исследованных в 1972 г. десяти погребений — шесть детских (все захороненные в возрасте до 7 лет), два женских (в возрасте 14–19 лет — погр. 7 и 20–35 лет — погр. 9) и два мужских (юноша — погр. 6, возмужалый — погр. 5). Из полученных Б. А. Кониковым опубликованы данные о четырех детских погребениях (трое погребенных в возрасте до 7 лет, один — 8–13 лет), четырех женских (три в возрасте 20–35 лет, одна — 35–55 лет), шести мужских (четверо в возрасте 20–35 лет, один — 35–55 лет, один — 55 лет и старше). Итого 24 погребения: 10 детских (из них девять — до 7 лет, один — 8–13 лет), шесть женских (одна — в юношеском возрасте, 14–19 лет, четыре — возмужалых, 20–35 лет, одна — в зрелом возрасте, 35–55 лет), восемь мужских (один — юноша, 14–19 лет, пять — возмужалых, 20–35 лет, один — в зрелом возрасте, 35–55 лет, один — в старческом, 55 и более лет). По данным материалам детская смертность составляет 41,6 %, что близко показателям для древних популяций и уровню, наблюдавшемуся в дореволюционной России в конце прошлого века [Грязнов, 1956, с. 73]. Характерна высокая смертность взрослого населения в возрасте до 35 лет, достигавшая с учетом умерших в юношеском возрасте 78,6 % (11 из 14 взрослых), а включая умерших до 55 лет — 92,9 %. Большая выборка внесет в эти цифры некоторые коррективы, но и имеющаяся довольно показательна.

Встает вопрос об этнической принадлежности погребенных в пунктах Окунево 3, 4. И. Н. Корень, Б. В. Мельников, Б. А. Конилов [1979, с. 74] считают, что курганы Окунево 4 оставлены, вероятно, хантыйским населением, воспринявшим отдельные черты татарской погребальной обрядности. Для решения этого вопроса важное значение имеет сопоставление погребального обряда данного некрополя с ритуалами других подобных памятников бассейна р. Тары и смежной территории. Представленное в Окунево 4 положение погребенных на спине, вытянуто, преимущественно головой на северо-запад с отклонениями имеет аналогии в наиболее полно исследованных и опубликованных могильниках XVI–XVII вв. Кыштовка 1, 2, хотя в последнем преобладают погребения с западной ориентировкой [Молодин, 1979, с. 61, 103, 110; Молодин, Мыльникова, 1980, с. 190]. Близкий погребальный обряд и ориентация наблюдаются также на других памятниках бассейна р. Тары этого времени: Льнозавод, Чертала, Садовка 2, 4, демонстрирующих в то же время локальные отличия, что отмечено Б. В. Мельниковым [1991]. Сходство инвентаря, конструкцией могильных ям и ориентировки, основных черт погребального обряда указанных некрополей нижнего и среднего течения р. Тары дает основания предполагать, что население этого региона принадлежало к одной этнической группе, или, во всяком случае, говорить о существовании у него общего, выраженного этнического субстрата. Рассматривая вопрос об этносе, оставившем могильник Кыштовка 2, В. И. Молодин [1979, с. 107–111] пришел к заключению, что погребения могильников Кыштовка 1, 2, характеризующиеся западной ориентировкой с отклонениями, принадлежали южной группе хантов. В таком случае этот вывод резонно распространить на этнос, которым оставлены другие названные ранее некрополи средней и нижней Тары, объясняя отдельные различия в погребальном ритуале существованием этнолокальных групп, которое представляется достаточно обоснованным [Мельников, 1991]. Однако такое решение вопроса в отношении этнической принадлежности рассматриваемых некрополей вряд ли полностью приемлемо. Оно не соответствует историческим свидетельствам, указывающим на проживание в этом районе тарских, аялыньских и туралиньских татар [Долгих, 1960, с. 49; Томилов, 1981, с. 135–136], а также фиксируемой археологическими источниками ситуации, из анализа которой следует вывод о сравнительно ранней тюркизации местного южнохантыйского населения. Уже с IX–X вв. Тарское Прииртышье становится зоной чересполосного проживания и тесных взаимных контактов южной, пограничной части хантыйского населения и вплотную придвинувшихся с юга тюркоязычных кочевников-кыпчаков. Начиная с этого времени в данном регионе, на границе леса и лесостепи, происходило смешение двух указанных этносов и культур: с одной стороны, южнохантыйского усть-ишимской культуры, совершавшего подкурганые и реже грунтовые захоронения преимущественно с северо-западной ориентировкой, с инвентарем, включавшим местную керамику, зоо- и антропоморфные изображения и украшения, с другой — тюркоязычного, погребального ритуалу которого были присущи сопроводительные захоронения туши или чучела, головы и конечностей коня. На это указывают локализация и облик культурных комплексов Тарского Прииртышья IX – XII–XIII вв. На Окунево 4 исследовано погребение подростка X–XI вв. усть-ишимской культуры с сосудом, имевшим округлое дно и характерную гребенчатую орнаментацию, а также кресалом с изображением Одина [Могильников, 1991, с. 64–65, рис. 1, 13, 14], а у дер. Айткулово, на правом берегу Иртыша, в 15–20 км ниже устья Тары, вскрыты два кургана второй половины VIII–IX вв. с сопроводительными конскими захоронениями [Чагаева, 1973]. К югу от них, у дер. Сеткуловки, на расстоянии около 50 км от устья р. Тары вверх по Иртышу, находилось поселение усть-ишимской культуры X–XII вв. Примерно посередине между

данными объектами, около дер. Алексеевки, близ устья Тары на Иртыше, исследован курган X–XII вв., содержащий погребение в сопровождении головы и конечностей коня вместе с усть-ишимским круглодонным чашевидным сосудом, орнаментированным гребенкой [Могильников, 1990, с. 36]. В комплексе вещей из курганов IX–X вв. у дер. Красноярки на р. Таре есть предметы сrostкинской культуры [Heikel, 1894, pl. XXIV]. Эти факты демонстрируют симбиоз культур и смешение южнохантыйского и кыпчакского этносов, вследствие чего на Таре, бывшей в конце I — начале II тыс. пограничной зоной, отсутствуют хорошо выраженные, крупные памятники усть-ишимской культуры X–XIII вв., аналогичные тем, что представлены в Прииртышье в районе Тевриз-Усть-Ишима [Конилов, 1993]. После X–XI вв. усть-ишимская культура южных хантов на Таре прекращает существование, памятники имеют смешанный угорско-тюркский облик, что, видимо, отражает данническую зависимость угров и политическую гегемонию тюркского этноса в Тарском Прииртышье в начале II тыс. В такой ситуации остававшееся здесь местное южнохантыйское население ко второй четверти II тыс. или в течение его могло уже воспринять тюркский язык или быть двуязычным, сохраняя в то же время в идеологических представлениях ряд традиционных особенностей, проявляющихся, в частности, в формах погребальной обрядности.

Таким образом, к середине II тыс. на базе местного южнохантыйского субстрата при участии привнесенного и вместе с тем господствующего в военнополитическом и в какой-то мере, видимо, экономическом (более развитое скотоводство) отношении тюркского суперстрата оформляется этническая группа тарских татар, имеющая этнолокальные варианты. Вероятно, к угорскому субстрату тарских, а также других групп тоболо-иртышских татар восходят элементы доисламских верований: наличие промысловых культов, культов священных деревьев, духов воды, болот, озер, лесов и др. [Томилов, 1987, с. 41; Соловьев, 1994, с. 140–141], имеющих аналогии в мифологии хантов. На большую роль местного угорского субстрата указывают и данные антропологии, свидетельствующие о том, что тоболо-иртышские татары антропологически наиболее близки ранне-средневековому населению южнотаежного Прииртышья и Среднего Приобья VII–XII вв. [Багашев, 1993, с. 5, 53, 136], а объяснимые длительным контактом с населением лесостепи некоторые отличия в облике аялыных татар находят подтверждение в вышеизложенном археологическом материале. По особенностям идеологических представлений, отраженным в погребальном ритуале (подкурганые захоронения в могилах малой глубины, северо-западная с отклонениями ориентировка погребений, комплекс инвентаря, следы культа огня в виде угольков и обожженного дерева), обитатели нижней и средней Тары, оставившие некрополи XVI–XVII вв., могут считаться в основе потомками местного южнохантыйского населения усть-ишимской культуры, которые по языку в это время были уже скорее тюрками, т. е. представляли группу татар на заключительном этапе их этногенеза, что совпало с внедрением ислама в местную среду. В данном случае наблюдается закономерность, прослеженная В. П. Алексеевым и И. И. Гохманом [1984, с. 164–165] для этногенеза ряда тюркоязычных народов, когда процесс тюркизации выражался в восприятии тюркского языка при сохранении основных особенностей физического типа и культуры местного населения. Топоним "Татарский увал", очевидно, отражает этническую принадлежность населения, оставившего курганные захоронения Окунево 4 и грунтовые Окунево 3.

Что касается таких памятников, как Кыштовка 1, 2, то проблема их этнической интерпретации является дискуссионной. Принимая во внимание то, что по отношению к другим вышеуказанным некрополям они занимают самое восточное положение, в пограничье с васюганскими хантами, а также некоторые отличия в погребальном ритуале, в частности преобладание западной ориентировки погребенных, можно предполагать, что эти могильники оставлены преимущественно одной из групп хантов, как считает В. И. Молодин [1979]. В то же время не исключена их принадлежность каргалинским татарам, которые в этот период занимали большую территорию в верховьях Тары и Тартаса, по соседству с селькупам [Долгих, 1960, с. 55]. Возможна также принадлежность Кыштовки 2 смешанному хантыйско-татарскому населению, на что указывают подмеченные В. И. Молодиным различия в погребальном обряде и инвентаре отдельных захоронений этого памятника, связываемые с межэтническими контактами [Молодин, 1979; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 166–176]. Яснее данный вопрос может быть решен на более широком фоне, с привлечением материалов не только из Барабы, но и из более северных южнотаежных районов Обь-Иртышского междуречья, где в XVI–XVII вв. достоверно обитали ханты, но их памятники остаются пока неизученными.

Определенный интерес с точки зрения выявления межэтнических контактов представляют погребения с юго-западной ориентировкой в некрополях на р. Таре, в частности из могильников Садовка 4 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 161, рис. 95], Окунево 4 и др. Такая ориентировка присуща захоронениям из могильников барабинских татар Туруновка 2, Малый Чуланкуль 1 [Там же, с. 117–122, 128–134, рис. 88, 92, 93]. Очевидно, подобные погребения на Таре свидетельствуют о присутствии барабинцев в среде тарских татар, что зафиксировано также историческими источниками XVI–XVII вв. [Долгих, 1960, с. 52–53; Томилов, 1981, с. 135, 164]. Могильник Садовка 4, расположенный на территории бывшей Тунусской волости, по-видимому, отражает проникновение барабинцев рода Тунус на Тару. При этом следует заметить, что сложный многокомпонентный со-

став генезиса тарских и барабинских татар, их тесные контакты в XVI–XVII вв. с хантами и селькупам и особенно присутствие хантыйского и селькупского субстратов в их этногенезе осложняют проблему интерпретации археологических объектов в этническом отношении. Она может решаться на основе комплексного анализа данных археологии, лингвистики, антропологии и этнографии, а для XVI–XVII вв. в этом регионе — и исторических известий. Последние дают возможность корректировать картину, выстраивающуюся на основе анализа археологических фактов.

(1) В работах экспедиции участвовали и вели полевую документацию Б. А. Коникив, А. И. Петров, студенты Омского пединститута и школьники пос. Дружино под руководством Ф. Д. Швана, которым автор выражает глубокую благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., Гохман И. И.* Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Багашев А. Н.* Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 152 с.
- Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 161 с.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с.
- Дульзон А. П.* Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1953. Т. X.
- Захарова И. В., Могильников В. А., Петров А. И.* Работы Иртышского отряда // АО 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 212–213.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
- Коникив Б. А.* Изучение средневековых памятников в Омском Прииртышье // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 231–232.
- Коникив Б. А.* Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск, 1993. 223 с.
- Корень И. П., Мельников Б. В., Коникив Б. А.* О датировке и этнической принадлежности курганного могильника Окунево IV // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. конф. Омск: Омск. ун-т, 1979. С. 73–74.
- Краниологические* коллекции кабинета антропологии Томского университета / Сост. В. А. Дремов, А. Р. Ким. Томск: Томск. ун-т, 1979. 118 с.
- Матющенко В. И.* Культурно-хронологическая шкала Окуневского археологического микрорайона // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1994. С. 81–84.
- Матющенко В. И., Полеводов А. В.* Культурно-археологическая принадлежность археологических памятников в окрестностях д. Окунево на р. Таре // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Алтайск. ун-т, 1991. С. 59–61.
- Мельников Б. В.* Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Омск. ун-т, 1991. С. 142–156.
- Мельников Б. В.* Погребальные памятники коренного населения бассейна р. Тары XVII–XVIII вв. // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез. докл. Всерос. науч. конф. 22–24 ноября 1994 г. Омск, 1994. С. 67.
- Могильников В. А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 1990. 47 с.
- Могильников В. А.* Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 57–105.
- Могильников В. А., Коникив Б. А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Молодин В. И.* Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука, 1979. 181 с.
- Молодин В. И., Мильникова Л. Н.* Исследования памятника Кыштовка I // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976). Новосибирск: Наука, 1980. С. 172–198.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 261.
- Петров А. И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровск. ун-т, 1986. 17 с.
- Соловьев Д. Н.* Предварительное сообщение о некоторых доисламских верованиях татар бассейна нижней Тары (по материалам экспедиции 1993 г.) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: Омск. ун-т, 1994. Вып. 2. С. 140–141.
- Степи* Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1991. 303 с. (Археология СССР).
- Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 242–357.
- Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. Томск: Томск. ун-т, 1981. 275 с.
- Томилов Н. А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири: Учеб. пособие. Омск: Омск. ун-т, 1987. 80 с.
- Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
- Чагаева А. С.* Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Томск: Томск. ун-т, 1973. Вып. 5. С. 103–118.

Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 79–91.

Heikel A. Antiquites de la Siberie Occidentale. Helsingfors, 1894. 131 p.

Москва, Институт археологии РАН